

Литература

1. Андреева И. П. Комментарии // Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. Москва: Согласие, 1997. 744 с. Текст: непосредственный.
2. Берберова Н. Н. Курсив мой: автобиография. Москва: Согласие, 1996. 36 с. Текст: непосредственный.
3. Букалов А. М. Пушкинская Италия: записки журналиста. 2-е изд. Санкт-Петербург: Алтейя; АНО «Женский проект СПб», 2007. 352 с. Текст: непосредственный.
4. Шеметова Т. Г. Венецианский текст в русской литературе XX в. // Вестник Бурятского госуниверситета. Сер. Филология. 2020. Вып. 1. С. 22–28. Текст: непосредственный.
5. Гардзонио С., Сульпассо Б. Осколки русской Италии: исследования и материалы. Кн. 1. Москва: Викмо-М: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына: Русский путь, 2011. 456 с. Текст: непосредственный.
6. Криницын А. Б., Гальшева М. П. Венецианский текст в русской поэзии XIX–XX веков // *Literra*. 2018. № 1. С. 29–47. Текст: непосредственный.
7. Муратов П. П. Образы Италии. Москва: Изд-во АСТ, 2022. 960 с. Текст: непосредственный.
8. Письмо А. И. Ходасевич из Мариенбада от 7 ноября 1923 г. // Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. Москва: Согласие, 1997. 744 с. Текст: непосредственный.
9. Письмо В. Ф. Ходасевича С. В. Кисину (Муни) от 1 июля (18 июня) 1911 г. // Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. Москва: Согласие, 1997. 744 с. Текст: непосредственный.
10. Письмо В. Ф. Ходасевича В. Г. Лидину от 18 марта 1924 г. // Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. Москва: Согласие, 1997. 744 с. Текст: непосредственный.
11. Ходасевич В. Ф. Город разлук // Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. Москва: Согласие, 1997. 592 с. Текст: непосредственный.
12. Шеметова Т. Г. Венецианский текст в русской литературе XX в. // Вестник Бурятского госуниверситета. Сер. Филология. 2020. Вып. 1. С. 22–28. Текст: непосредственный.

Научная статья

УДК 398(=512.31)

DOI 10.18101/978-5-9793-1876-9-52-57

БРОДЯЧИЙ СЮЖЕТ В БУРЯТСКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

© **Васильева Софья Владимировна**

учитель русского языка и литературы,

Гимназия № 14, г. Улан-Удэ

Россия, 670034, г. Улан-Удэ, ул. Чертенкова, 3

sofia080164@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации одного и того же сказочного сюжета в культурах разных народов мира. Прослеживаются наглядные линии межнациональных фольклорных связей, обосновывается влияние быта, менталитета на развитие сюжетных линий, на мотивную сказочную традицию. На примере ряда популярных сказок доказывается очевидность параллелей сказочных сюжетов разных народов. Производится сопоставление бытовых сатирических сказок в русском и бурятском фольклоре, волшебных сказок о зайце, сменяющем цвет шкурки в зависимости от времени года, и о царевне-лягушке. Дается интерпретация текстов бурятских сказок, на основе которой делается вывод о наличии устойчивого бродячего сюжета и переменных параметров, связанных с региональными особенностями, национальным менталитетом.

Ключевые слова: сказка, бродячий сюжет, теория самозарождения сюжетов, фольклорные связи.

A WANDERING PLOT AS A MEANS OF COMPREHENDING A SINGLE PICTURE OF THE WORLD

© **Sofya V. Vasilyeva**

Teacher,

of the Russian language and literature of the Gymnasium No. 14

3, Chertenkova St., 670034 Ulan-Ude, Russia

sofia080164@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the transformation of the same fairy tale plot in the cultures of different peoples of the world. Clear lines of interethnic folklore ties are traced, the influence of everyday life, mentality on the development of storylines, on the motivic fairy-tale tradition is substantiated. On the example of a number of popular fairy tales, the evidence of parallels in fairy tale plots of different peoples is proved. A comparison is made of everyday satirical tales in Russian and Buryat folklore, fairy tales about a hare that changes the color of its skin depending on the season, and about a frog princess. An interpretation of the texts of Buryat fairy tales is given, on the basis of which a conclusion is made about the presence of a stable wandering plot and variable parameters associated with regional characteristics, national mentality.

Keywords: fairy tale, wandering plot, theory of spontaneous generation of plots, folklore connections

Как известно, бродячие сюжеты в фольклоре, переходя из одной культуры в другую, претерпевали небольшие контекстуальные изменения. Анализ трансформации одного и того же сюжета позволяет многое понять о менталитете народа. Народные сказки, как и другие фольклорные жанры, выросли из обрядов и ритуалов, имеющих свою функциональную направленность. Архетипичность ситуаций и персонажей объясняют главную особенность бродячего сюжета: ему неведомы какие-либо границы, присуща способность преодолевать пространство и время.

Поэт и ученый-фольклорист Б. С. Дугаров в предисловии к книге «Бурятские волшебные сказки» отмечает, что бурятская сказка «Лисица-сваха» очень напоминает французскую сказку «Кот в сапогах»: «Схожие по многим узловым эпизодам, обе сказки чрезвычайно занимательны, полны неистощимой выдумки и национальной специфики. Но в бурятской сказке, пожалуй, больше неуместной первозданности, а во французской — изящества. Это закономерно, поскольку автором последней является не народный сказитель, а профессиональный литератор Шарль Перро» [1].

Бродячие сказочные сюжеты у разных народов под влиянием разных исторических, этнографических, культурных обстоятельств приобретали измененный облик. Так, исследователи бурятских народных сказок писали об этом: «... калмыцкие сказки в пору соседства с кавказскими народами обогатились новыми образами, персонажами, мотивами. Бурятские сказки в силу тесной исторической взаимосвязи с другими сибирскими народами, а также с русским народом испытали влияние их сказочных традиций» [2, с. 22].

Наиболее очевидной причиной появления общих для разных культур сюжетов было признано заимствование. Так, Л. Е. Элиасов отмечал влияние бурятских сказок на сибирские русские сказки: «...бурятские сказки сыграли большую роль в обогащении репертуара русских сказок Сибири. Многие русские сказители прекрасно рассказывали бурятские сказки, не подозревая даже, что они заимствованы из бурятского репертуара» [3].

Обратимся к русско-бурятским фольклорным связям, чтобы отметить несомненные параллели в сюжетах, затрагивающих мир природы. У многих народов есть сказка, объясняющая смену зайцем шубки. «Почему заяц летом серый, а зимой белый?» — так называется русская сказка. Сравним ее с бурятской сказкой «Снег и заяц».

Цвет шубки в начале русской сказки серый: «Всю весну, лето и осень он бегал по лесу и лугу и радовался жизни. Его серая шубка была почти незаметна среди травы и пестрых цветов» [4]. А в бурятской — белый, потому что в Сибири снежный покров держится с октября до середины апреля, отсюда и научное именование — заяц-беляк. В русской сказке говорится: «Пришла зима: зайчик вдруг понял, что его серая шубка на белом снегу далеко видна. Стало ему страшно...». Бурятская начинается с диалога: «Снег говорит Зайцу:

– Что-то мне нехорошо.

– Наверное, ты таешь, оттого тебе и плохо, — ответил заяц, сел на пенек и горько-горько заплакал. — Жалко, жалко мне тебя, снег. Я по тебе бегал, круглые дырки делал. От лисицы, от волка, от охотника в тебя зарывался — прятался. Как без тебя жить буду?» [5].

Завязка схожая: цвет шубки помогает спрятаться от врагов. Но если завязка в бурятской сказке еще и о приходе весны, о свойствах воды, о дружбе, и сострадании, то в русской — о желании и неспособности мышки, ежика и белки помочь зайцу, потому что условия их жизни разные. Этим и объясняются их советы: «Выкопай норку поглубже, заберись в нее и зимуй»; «Найди ямку, свернись клубочком, листвою укройся, а снегом тебя и так присыплет, и спи»; «Найди на дереве дупло поглубже, залезь в него и сиди».

Помощь приходит от Хозяина леса (ему, духу местности, и сегодня поклоняются в Бурятии), хотя он и не властен над силами природы: «С Солнцем спорить не берусь, снег сохранить не могу. Шубу твою белую сменяю на серенькую, будешь ты летом легко прятаться среди листьев, кустарника и травы, никто тебя не заметит» [4].

Финалы сказок — яркое проявление национального колорита. Бурятская сказка учит не бояться перемен, быстро адаптироваться в изменившейся ситуации. «С тех пор всегда меняет зимнюю шубку на летнюю. А снег тоже меняется: в воду превращается, ручьем звенит и наперегонки с зайцем бегают, а то дождевиком сверху брызгает и в прятки с ним играет. А как похолодает, вновь красавицами снежинками очаровывает своего дружка» [5]. В русской сказке подчеркивается волшебная сила Деда Мороза: он Зайчика за уши поднял, подул на шубку со всех сторон — и она стала белая, как снег, только кончики ушей остались черными [4].

Главный герой другой бурятской сказки «Балан Сэнгэ», чье имя вынесено в название сказки, имеет своего «прототипа» — героя русской сказки «Как Фомка надул двух попов». Балан Сэнгэ сразу характеризуется как умный, но бедный че-

ловек, он ходил по дворам с большой чашкой за пазухой и приговаривал: «Я хороших родителей сын, от плохого я отскочил».

Завязка сказки — спор. Балан Сэнгэ поспорил, что он трижды обманет ламу (священнослужителя). Первый обман — схватить «за некоторые места». На гнев лампы после содеянного Балан Сэнгэ говорит: «Меня благословил богдо (владыка) на то, чтобы я схватил за кое-что самого тэнгри (небесное божество). Поскольку я почитаю Вас наравне с тэнгри, поэтому так получилось» [6]. Слова польстили ламе, и он в гордыне прощает Балан Сэнгэ.

Второй обман — заставить лаять ламу. «Есть разница между хорошей и плохой собаками, когда они лают? — спрашивает Балан Сэнгэ. — Ведь только умнейший знает ответ на такой сложный вопрос» [6]. И лама показал, как лает хорошая собака, а как плохая. И тут же Балан Сэнгэ обращается к нему с просьбой определить качество лекарства и дает собачий помет — третий обман.

Если в сказке «Балан Сэнгэ» высмеиваются лесть и гордыня, а восхваляются находчивость и смекалка, то в сказке «Как русский Фомка надул двух попов» сатирически показан грех прелюбодеяния. В обеих бытовых сказках высмеиваются люди, возведенные в сан, поэтому отрицательные герои — поп и лама. Поп наказан физически (вымазан нечистотами), а лама стал посмешищем. По греху — и наказание.

Каждый сказочный сюжет отражает национальное мировосприятие, даже если он бродячий, заимствованный. Такова сказка «Ута-Саган-батор» — бурятский вариант сказки о царевне-лягушке, очень популярной в России и имеющей 36 вариантов. Бурятская сказка доказывает справедливость высказывания А. Н. Афанасьева, автора «Народных русских сказок»: сказки о царевне-лягушке «из репертуара русских сказочников... перешли в репертуар сказочников неславянских народов СССР, испытав определенную творческую трансформацию и восприняв традиционные мотивы сказок этих народов» [7].

В сюжете сказки «Ута-Саган-батор» отец дат три стрелы сначала старшему сыну со словами: «Пусти эти стрелы на три стороны, а потом иди в направлении полета каждой из них. Где найдешь стрелу, там обретешь и суженую». Послушался Барбадай-бохо отца, но, когда нашел третью стрелу на гнилом болоте в лапках большой лягушки, рассердился: дескать, если женюсь на ней, засмеют его. Отбросил ее от себя, но она бежала за ним и не оставала. «Сильно удивился хан-отец, но еще больше опечалился. Построил он молодым дворец, чтобы невестка пореже на глаза попадалась» [8].

Второй сын также пустил три стрелы, и третья привела его ко двору Шажин-Номон-хана, чтобы жениться на его дочери Шара-Сэсэк к радости отца Ута-Саган-батора, который после пира подарил молодым дворец.

Если в сюжете русской сказки работает волшебное число 3, то в бурятской главенствует число 2 (символ выбора): два сына и два испытания. Так же, как в русской сказке, следующий этап — выполнение заданий невестками. Ута-Саган-батор приказал сыновьям сшить красивые шелковые рубашки. Мрачней тучи рассказал старший сын лягушке о задании, а та ответила: «Давай сюда шелк и не печалься, к завтрашнему дню всё будет готово». Рукоделие невестки-лягушки понравилось Ута-Саган-батору, а рубашку, сшитую другой невесткой, Шара-Сэсэк, он отдал дворовым людям.

Второе задание — явиться на пир. И здесь, как и в «Царевне-лягушке», жена снова успокаивает Барбадай-бохо: «...я прибуду следом за тобою. Когда начнется пир и среди общего веселья и шума вдруг затрясется земля, загремит гром и твой отец, соскочив с трона, спросит: “Откуда и чье войско нагрязнуло?” Ты скажи ему: “Успокойся, отец, это моя лягушка на своей колымаге едет, стуча и гремя на всю округу”» [8].

Понятно, что на пир старшая невестка явилась красавицей, конечно, на пиру «ест, а косточки в правый рукав складывает; пьет, но больше в левый рукав выливает». Сюжет развивается так же, как в русской сказке, но описан в национальном духе: жена-лягушка удивила своим танцем, в котором «так прошлась, что на плоском камне трава проросла, на черной воде пенки вскипели... Взмахнет она правой рукой — из рукава золотой стол появляется, самыми разными яствами уставленный. Взмахнет левой рукой — появляется серебряный стол с дорогими винами и сладкими закусками... Увидела такое младшая невестка Шара-Сэсэк и тоже стала складывать кости и выливать вино в рукава» [8]. Как и в русской сказке, ей не удалось в танце совершить чудесные превращения: из правого рукава посыпались кости, а из левого полилось вино на головы гостям.

Сказочный сюжет повторился и в поступке Барбадая-бохо: посреди всеобщего веселья он вскочил на коня и дома сжег лукошко, в котором лежала его жена-лягушка. Вернувшись, та опечалилась: «Что же ты наделал, неразумный! Мне всего-то три дня оставалось побыть в лягушачьем облике, а теперь прощай, — сказала она и исчезла» [8].

Но в отличие от русской сказки, где Иван-царевич совершает немало чудесных подвигов в поисках жены, в бурятской сказке не понадобились волшебства и, как в обычной жизни, счастье оказалось в руках самого Барбадай-бохо. Он встретил нищую женщину и выполнил ее совет: одевшись нищим, он попросил подаюния у жены, едущей в коляске, а потом поднял, «как легкую травинку из земли, и уже не отпустил ее от себя. Вернулись они домой и зажили счастливо и мирно, среди многочисленного и шумного своего потомства» [8].

Тем не менее, несмотря на очевидное сходство с русской, бурятская сказка отразила характерные этнографические реалии и особенности мировоззрения кочевого народа. Например, сказки о поисках невесты или богатырские сказки сохранили оригинальные сюжеты, потому что возникли на основе сказаний-улигеров о мэргэнах-богатырях и его помощнике-коне. Подобные сказки существенно отличаются от русских сказок, например, о Сивке-бурке [9, с. 20].

Как видим, бродячие сюжеты запечатлевают общее стремление всех народов жить с верой в добро. Бурятский поэт Борис Сыренов хорошо сказал о великолепной способности сказки поведать о том:

Как в семье простой и бедной
Смелый воин вырастает,
И врагов земли рассветной
Он бесстрашно побеждает...

И выразить то, что слушатели все новых и новых поколений понимали и чувствовали:

Словно нам она открыла
Веру в суть добра и света.

Как давно все это было,
Как чудесно было это [10].

Баир Дугаров очень поэтично сравнил мир сказки с чудесным кедром, «чей ствол произрастает из глубин народной жизни», а бродячие сказочные сюжеты назвал раскидистыми ветвями, которые «тянутся во все стороны света, словно незримые мостики к иным сказочным мирам» [1].

Литература

1. Дугаров Б. С. Мир бурятской сказки // Бурятские волшебные сказки / составитель Б. С. Дугаров. Москва: Современник, 1990. С. 5–20. URL: <https://libmir.com/book/80898/readf> (дата обращения: 20.08.2023). Текст: электронный.
2. Баранникова Е. В., Бардаханова С. С. Бурятские волшебные сказки // Бурятские волшебные сказки. Новосибирск: Наука: Сибирская издательская фирма, 1993. 341 с. Текст: непосредственный.
3. Бурятские народные сказки / составитель Л. Е. Элиасов. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. 385 с. Текст: непосредственный.
4. Сказка «Почему заяц летом, а серый зимой белый». URL: <https://needlewoman.ru/articles/skazka-pochemu-zayats-shubu-menyaet.html> (дата обращения: 20.08.2023). Текст: электронный.
5. Бурятская народная сказка «Снег и заяц» // Онлайн-библиотека «Сказки-Басни» URL: skazki-basni.ru (дата обращения: 20.08.2023). Текст: электронный.
6. Бурятская народная сказка «Балан Сэнгэ». URL: rulit.me/books/buryatskie-skazki-read-167991-... (дата обращения: 20.08.2023). Текст: электронный.
7. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: в 3 т. Москва, 1985. Т. II. 490 с. URL: <https://www.rulit.me/books/narodnye-russkie-skazki-a-n-afanaseva-v-treh-tomah-tom-2-read-562484-160.html> (дата обращения: 20.08.2023). Текст: электронный.
8. Бурятская волшебная сказка «Ута-Саган-батор». URL: sayings.ru/world/buryat/fairy_tale/82.html (дата обращения: 20.08.2023). Текст: электронный.
9. Бардаханова С. С. Сказки в системе жанров бурятского фольклора // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4(11). С. 18–22. Текст: непосредственный.
10. Сыренов Б. А над юртой восьмистенной... // Тоонто. Литературно-культурный блог. URL: [#стихи@toonto03](https://t.me/stixi@toonto03)***Текст: электронный.

Научная статья

УДК 821.512.31

DOI 10.18101/978-5-9793-1876-9-57-61

ОЛЬФАКТОРНЫЙ ПОДХОД В БУРЯТСКИХ ПОВЕСТЯХ (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТЕЙ Ц. ГАЛАНОВА, Г.-Д. ДАМБАЕВА)

© **Бадмаева Ольга Бальжинимаевна**

кандидат педагогических наук, доцент,
старший методист Центра сохранения и развития бурятского языка
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
badm58@mail.ru